

Г. М. Коваленко

ОТ СВЕАБОРГА ДО ЯРОСЛАВЛЯ. ДНЕВНИК ПРАПОРЩИКА БРАЙТХОЛЬЦА

Одним из ключевых событий последней русско-шведской войны 1808–1809 гг. была капитуляция «Северного Гибралтара» — построенной по последнему слову фортификационной науки и считавшейся неприступной крепости Свеаборг. 3 мая его гарнизон покинул крепость. Среди тех, кто вышел из крепостных ворот, был майор Ханс Густав Хаусвольф и его 18-летняя дочь Аделаида, описавшая в своем дневнике пребывание в русском плену как «удивительное и полное приключений путешествие»¹.

Вместе с ними крепость покинул 22-летний прапорщик полка Адлеркройца Бернтд Юлиус Брайтхольц. Во время пребывания в плену в России он также вел дневник, чтобы, как он пишет, «на закате дней, если я доживу до этого, в моей памяти воскресли события юности». Этот дневник, хранившийся в семье его брата Класа, был опубликован Т. Петрелли в 1902 г.² Он интересен тем, что проливает свет на условия пребывания в России шведских офицеров, попавших в плен во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. По сравнению с судьбами пленных каролинов, об их судьбах известно довольно мало. Воспоминания о жестоком обращении с полтавскими пленниками породило представление о тяжелой участи шведских пленников последней русско-шведской войны³. Между тем дневники Берндта Брайтхольца и Аделаиды Хаусвольф свидетельствуют о том, что шведские пленные, высланные в разные города России, вынесли довольно благоприятные впечатления о пребывании в русском плену.

Дневник Берндта Брайтхольца интересен также тем, что, как отметил М. Бородкин, «определяя воззрения русских на финляндцев и обратно, ...нельзя не внять голосу пленных. Они приходят в своеобразные и редкие соприкосновения с чуждыми народностями. Их мнениями не следует пренебрегать по той причине, что по возвращении на родину они

служат неопровержимым авторитетом в глазах соотечественников, и их заявления значат иногда более сведений, подчерпываемых из печатных листов»⁴.

Свой дневник Брайтхольц начинает словами о том, какое тягостное впечатление произвела сдача Свеаборга на гарнизон крепости: «О том, что чувствовали солдаты, свидетельствовали слезы в их глазах. Распались все военные связи... никто больше не командовал, никто больше не повиновался... Они получили приказ сложить оружие и подчиниться воле вероломного врага, вторгшегося на их землю»⁵.

По условиям капитуляции все шведские офицеры на все время продолжения военных действий должны были пребывать в стране по месту своего проживания. Поэтому Брайтхольц отправился к своим родителям в Экенес. Вскоре сюда прибыл генерал Сухтелен, он предложил пребывавшим здесь шведским офицерам перейти на русскую службу и принести присягу императору. В противном случае он угрожал им высылкой во внутренние области России. Брайтхольц не терял надежды еще послужить родине, поэтому он не принял предложение генерала и вместе с капитаном Егергорном решил бежать к шведам. Однако старые опытные офицеры отговорили их от этого, аргументируя это тем, что они дали слово не принимать участия в боевых действиях, а также тем, что еще неизвестно, как армия и король примут офицеров свеаборгского гарнизона. Взвесив все «за» и «против», они отказались от своего намерения и заявили коменданту о своем желании отправиться в плен⁶.

Утром 23 июля Брайтхольц вместе с капитаном Егергорном, лейтенантом Аминовым и фортификационным кондуктором Граншtedтом в сопровождении двух казаков был отправлен в Гельсинфорс, откуда 27 июля последовал в Петербург вместе с группой шведских пленных, состоявшей из 12 офицеров и 8 унтер-офицеров. В Выборге к ним присоединилось еще 15 офицеров, вместе с которыми 11 августа они прибыли в Петербург, где были расквартированы в артиллерийских казармах у Смольного монастыря по 3–4 человека в комнате. Здесь уже находилось около 150 офицеров, отказавшихся перейти на русскую службу, которых небольшими партиями отправляли вглубь России⁷.

На следующий день к вновь прибывшим финским офицерам приехал русский генерал с переводчиком и предложил им принести присягу российскому императору, после чего они могли выбрать полк, в котором хотели бы служить, или вернуться домой. На это они ответили, что считают позором принять это предложение в то время, когда никто не освободил их от присяги шведскому королю. Тогда генерал сказал, что они должны быть готовы ехать дальше. Но эта угроза не достигла цели. Офицеры заявили, что не желали бы большей милости, чем, как это принято

у цивилизованных народов, стать военнопленными, с которыми обращаются соответствующим образом. «После этого, — пишет Брайтхольц, — прекратились открытые попытки заставить нас отказаться от присяги, только бывший шведский генерал и перебежчик Спренгпортен и пастор здешнего шведского прихода Таваст приложили немало усилий к тому, чтобы уговорить своих пленных земляков нарушить долг чести, но только 4 или 5 человек позволили убедить себя»⁸.

В ожидании определения места своего будущего пребывания Брайтхольц решил познакомиться с достопримечательностями Петербурга. «Достаточно полно описать то, что являет Петербург глазам иностранца, выше моих сил, равно как и сохранить в памяти 14 дней моего пребывания здесь, но я хочу запечатлеть наиболее важное из того, что привлекло мое внимание». За две недели пребывания в русской столице он прогулялся по Невской перспективе, посетил Летний сад и Гостинный двор, осмотрел Михайловский замок, Мраморный и Таврический дворцы, Исаакиевский собор, побывал на императорском вахт-параде и в Кунсткамере.

Вместе с другими шведскими офицерами он присутствовал на богослужении в церкви Св. Екатерины, после которого пастор Таваст пригласил их на завтрак. «Мы с благодарностью приняли приглашение, но как только мы вошли, пастор начал с нами беседу, цель которой состояла в том, чтобы склонить нас к присяге императору, что его больше всего интересовало. Во время этой беседы мы один за другим молча начали покидать его, не притронувшись к завтраку. В конце концов, пастор осознал, что может остаться в одиночестве за своим щедро накрытым столом, поэтому он прекратил свои уговоры и был любезен с оставшимися»⁹.

Вскоре Брайтхольцу стало известно, что тот транспорт, с которым он прибыл в Петербург, будет отправлен двумя этапам: один 24 августа в Ростов Ярославской губернии, а тот, в котором был он сам, на следующий день в Ярославль. «Мы быстро собрались в дорогу. Поскольку нас должны были везти в открытых кибитках, нам посоветовали приобрести свои экипажи, или хотя бы купить тюфяки и подушки, чтобы смягчить ужасную тряску в кибитках без рессор на дурных дорогах»¹⁰.

25 августа Брайтхольц вместе с 16 офицерами и пастором Гревелиусом в сопровождении лейтенанта Нордбека и унтер-офицера покинул Петербург. Они ехали по 2 человека в кибитке по Шлиссельбургской дороге, созерцая приятный ландшафт, красивые здания, усадьбы, храмы и парки. Уже на первой почтовой станции они были приглашены на обед в имение бывшего шведского капитана Шарфа.

На следующий день пленники прибыли в Шлиссельбург, известный им как место заточения Ивана VI, откуда добрались до Ладоги и затем приехали в Тихвин. Здесь в ожидании лошадей они заночевали и ре-

шили здесь осмотреть местные достопримечательности, Они побывали на службе и посетили настоятеля, который принял их очень любезно и сам показал монастырские святыни¹¹.

1 сентября из села Сомино они последовали к месту своего назначения водным путем на баркасе по реке Соминке, впадавшей в Мологу, берега которой «представляли прекрасный вид». По пути они побывали в имении графа Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, который пригласил их к себе на обед. Адмирал был очень любезен и сказал, что он любит шведов и что в 1780-х гг. он был посланником в Стокгольме и пользовался расположением Густава III. На дочерей адмирала большое впечатление своими манерами, внешностью и эрудицией произвел пастор Гревеллиус, хорошо говоривший по-французски. Вернувшись на баркас, пленники были приятно удивлены, обнаружив там подарки графа: маринованных лещей и масло, приготовленное по шведскому образцу¹².

На десятый день пути, миновав город Мологу, они вошли в Волгу и 11 сентября «высадились у стен Ярославля — цели нашего путешествия, которое по милости Божьей благополучно завершилось преодолением 80 шведских миль¹³ от Петербурга».

Пленных разместили по квартирам обывателей по 2–3 человека в комнате. На следующий день они нанесли визит губернатору князю Михаилу Николаевичу Голицыну и пообедали в немецком трактире, где со словами благодарности простились с их «честным проводником» лейтенантом Нордбеком, который должен был вернуться в Петербург.

13 сентября они отправились на прогулку по Ярославлю. Никакие городские достопримечательности не поразили их воображения за исключением множества древних церквей, в связи с чем Брайтхольц заметил, что «число церквей в России превышает ее население».

Следует отметить, что пленные пользовались расположением у местного бомонда. Так один из его представителей некто Карнович, считавшийся одним из самых богатых землевладельцев, взял к себе на полное иждивение четырех шведских офицеров, ранее прибывших в Ярославль. Брайтхольцу стало известно, что 20 лет назад он радушно принимал у себя шведов, взятых в плен во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Карнович пригласил всех шведов к себе на обед, во время которого он сам и все члены его семьи проявляли к ним особое расположение. После обеда был дан концерт вокальной и инструментальной музыки. Его исполнителями были крепостные, которые на средства Карновича обучались музыкальному искусству в Петербурге и Москве¹⁴.

Следует отметить, что шведские пленники вели в Ярославле довольно насыщенную светскую жизнь, о чем свидетельствуют дневниковые записи Брайтхольца.

«7 ноября шведы были приглашены на бал и ужин к помещику Пишимскому и танцевали всю ночь.

18 ноября я и еще три шведа были приглашены на обед к губернатору.

23 ноября я и еще пять шведов обедали у губернатора. При прощании были приглашены приходить по средам и воскресениям.

9 декабря нас пригласили на бал-маскарад к губернатору.

19 декабря все шведы были приглашены на бал к помещику Барте-ньеву.

24 декабря был публичный бал-маскарад по случаю тезоименитства императора Александра I. Никто из нас раньше не видел маскарадов, в Швеции, поскольку после убийства Густава III они были запрещены.

28 декабря — обед у губернатора, на котором все шведы были приглашены на бал и ужин на следующий день.

29 декабря — бал у губернатора, продолжавшийся до 3 утра.

31 декабря все шведы были приглашены на обед к Карновичу.

2 января — бал-маскарад у госпожи Никифоровой».

3 января 1809 г. шведы узнали, что находившиеся в Петербурге депутаты финского сейма ходатайствовали перед императором об освобождении их соотечественников из плена. Император согласился на это при условии, что пока идет война, депутаты будут нести ответственность за их поведение. Поэтому те финны, которые имели знакомых среди депутатов, получили разрешение вернуться домой, остальные должны были остаться¹⁵. 7 января со слезами на глазах они провожали домой 16 соотечественников, которым посчастливилось иметь знакомых депутатов сейма.

После того как сейм в Борго принял решение о включении Великого Княжества Финляндского в состав Российской империи, по распоряжению Александра I пленным финляндским офицерам было предложено принести присягу императору и вернуться домой или дать письменный отказ с изложением его причин. Офицеры отказались от присяги императору, мотивируя свой отказ тем, что пока присяга, данная королю Швеции, не расторгнута, они как честные солдаты, не могут присягать другой власти. При этом они через канцелярию губернатора направили письмо военному министру с просьбой отпустить их по домам, как это было сделано с некоторыми их соотечественниками в январе, обещая, что пока длится война, они не будут предпринимать ничего такого, что могло бы нанести ущерб интересам России. 11 июля они получили письмо из Военного министерства, извещавшее их о том, что они не могут вернуться домой, поскольку не сложили с себя присяги королю¹⁶.

23 сентября губернатор сообщил им «печальную, но в то же время радостную новость» о том, что между Швецией и Россией подписан мир-

ный договор, по условиям которого граница между двумя странами была отодвинута от реки Кюммене до Торнео. Узнав об этом, пленники отправились в немецкий трактир, чтобы «заглушить горе и печаль о судьбе отечества и в то же время порадоваться надежде на скорое освобождение из плена и встречу с родными».

На следующий день в городских церквях объявили о заключении мира, но, как пишет Брайтхольц, многие присутствующие даже не подозревали о том, что Россия и Швеция находились в состоянии войны. Не случайно многие простолюдины спрашивали пленных о том, как они оказались в России¹⁷.

23 сентября губернатор объявил им о предстоящем отъезде домой, сроки которого зависели только от того, когда придут паспорта из Петербурга. Ждать их пришлось довольно долго. Только 8 ноября им сообщили, что на следующий день они могут уехать на родину. Провожаящих было довольно много. Многие предлагали свою помощь в длительном путешествии. Жена губернатора княгиня Наталья Ивановна пригласила к себе лейтенанта Ельмшерну и спросила его, не может ли она помочь отъезжающим деньгами или теплой одеждой. Но он с благодарностью отклонил ее любезное предложение, заявив, что недавно они получили хорошее жалованье (879 рублей) и поэтому ни в чем не нуждаются. Тогда княгиня подарила им салфетки с фамильными гербами Голицыных, вытканые на знаменитой ярославской ткацкой мануфактуре.

Описывая сцену прощания, Брайтхольц пишет: «Расставаясь с нами, губернатор расцеловал нас и пожелал счастливого пути домой. Тяжело было расставаться с этой благородной и почтенной семьей, которая сделала нам столько добра. Свою благодарность мы могли выразить только словами, и от души желали, чтобы с их соотечественниками, которые в Швеции испытывали ту же участь, что и мы, обходились так же дружелюбно, как с нами»¹⁸.

Сухопутный путь от Ярославля до Петербурга, проходивший через Рыбинск, Мологу, Весъегонск, Устюжну, Сомино, Ладогу и Шлиссельбург, Брайтхольц и его земляки преодолели за 10 дней и 20 ноября прибыли в российскую столицу «с более приятным чувством, чем год назад покидали ее». Здесь они остановились на подворье шведской церковной общины и были приняты шведским посланником графом Карлом Стендингом, пригласившим их на обед. Их культурная программа на этот раз включала посещение Эрмитажа, французской оперы и балета, а также фешенебельных ресторанов. 28 ноября, «потратив деньги на нужные и ненужные вещи», Брайтхольц вместе с лейтенантом Ельмшерной, прапорщиками Боргенстрёмом и Соссом покинул Петербург и 5 декабря «обнял своих любимых родителей»¹⁹.

К этому времени его брат Клас, вернувшийся домой вместе с остатками финской армии, взятыми в плен под Каликсом, переселился в Швецию, и Бернд Юлиус последовал за ним. В 1810 г. он уехал в Швецию и поступил на службу в Верmlandский полк. В 1838 г. он вышел в отставку в чине капитана и поселился в Карлстаде, где умер неженатым в 1863 г., оставив о себе память как о жизнерадостном и любезном человеке. Каждый год 3 мая он уединялся и оплакивал падение Свеаборга. Считается, что он был прототипом полковника Бееренкройца из Экебю в романе Сельмы Лагерлёф «Сага о Ёсте Берлинге».

Дневники свеаборгских пленников Бернста Брайтхольца и Аделаиды Хаусвольф — это заметки путешественников, изучавших окружающую их российскую действительность. Для обоих плен был своего рода образовательной туристической поездкой по России, которую они вспоминали с удовольствием. Вполне вероятно, что для обоих одной из самых ярких страниц их жизни был плен в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От Свеаборга до Новгорода. Своеручные подневные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809. Великий Новгород, 2013; Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб., 2016.

² Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok under fångenskap i Ryssland 1808 och 1809 // Personhistorisk Tidskrift. 1902. Сокращенный перевод дневника Брайтхольца был опубликован М. Бородкиным в 1906 г. в «Военном сборнике» (вып. 3–4).

³ *Шебалдина Г. В.* 1) Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М., 2005; 2) Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014; Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009.

⁴ *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 577.

⁵ Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok ... S. 24.

⁶ Ibid. S. 25.

⁷ Ibid. S. 25–31.

⁸ Ibid. S. 32.

⁹ Ibid. S. 35.

¹⁰ Ibid. S. 36.

¹¹ Ibid. S. 39.

¹² Ibid. S. 41–42.

¹³ Шведская миля = 10,7 км.

¹⁴ Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok ... S. 44.

¹⁵ Ibid. S. 95.

¹⁶ Ibid. S. 101–102.

¹⁷ Ibid. S. 103.

¹⁸ Ibid. S.106.

¹⁹ Ibid. S.108–110.

ЛИТЕРАТУРА

Бородкин М. История Финляндии. Время императора Александра I. СПб.: Государственная типография, 1909. 635 стр.

Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб.: Крига, 2016. 444 стр.

От Свеаборга до Новгорода. Своеручные поленные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2013. 236 стр.

Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М.: РГГУ, 2009. 462 стр.

Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. М.: РГГУ, 2005. 210 стр.

Шебалдина Г. Заложники Петра I и Карла XII. Повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 192 стр.

Fänrik B. J. von Breitholtz dagbok under fångenskap i Ryssland 1808 och 1809 // Personhistorisk Tidskrift. 1902. S. 22–48, 95–110.